
История моей семьи в XX веке

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНО-
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ
СТУДЕНТОВ-КУЛЬТУРОЛОГОВ
РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
СОЦИАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
ВЫПУСК 1

Коллектив авторов
История моей семьи в XX веке

«Издательские решения»

2015

Коллектив авторов

История моей семьи в XX веке / Коллектив авторов —
«Издательские решения», 2015

Научно-исследовательские материалы были подготовлены студентами-культурологами РГСУ в рамках изучения дисциплины «Прикладная культурология» (преподаватель доцент кафедры философии и социологии культуры РГСУ Т. В. Пушкарева). Материалы представляют собой тексты транскриптов глубинных интервью, их описание и анализ. Рецензенты: Шемякина Е. М., доцент кафедры культурологии МПГУ; Асеева Н. А., доцент кафедры социологии и гуманитарных дисциплин Российской академии предпринимательства.

Содержание

Введение	6
Андрей Шипигин.	7
Конец ознакомительного фрагмента.	11

**История моей семьи в XX веке
Материалы научно-исследовательской
работы студентов-культурологов
Российского государственного
социального университета. Выпуск 1**

Татьяна Пушкарева

Андрей Шипигин

Мария Нам

Анастасия Ежова

Михаил Гваришвили

Всеволод Стихарев

Анна Близнецова

Анна Богданова

Ирина Панасова

© Татьяна Пушкарева, 2015

© Андрей Шипигин, 2015

© Мария Нам, 2015

© Анастасия Ежова, 2015

© Михаил Гваришвили, 2015

© Всеволод Стихарев, 2015

© Анна Близнецова, 2015

© Анна Богданова, 2015

© Ирина Панасова, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Введение

Данные научно-исследовательские материалы были подготовлены студентами-культурологами третьего курса в первом семестре учебного 2013/14 года в рамках изучения дисциплины «Прикладная культурология». Проведение и анализ глубинных интервью по теме «История моей семьи в XX веке» стало заключительной, практической, частью изучения методов прикладной культурологии. Прикладная культурология, как и сама культурология, дисциплина молодая, синтетическая, становящаяся, именно по этой причине и методы ее преимущественно заимствованные, «импортированные» из других наук и междисциплинарных научных направлений. Наибольшее значение в рамках изучения дисциплины «Прикладная культурология» приобретает освоение методов качественной социологии, устной истории и *memory studies*.

«*Memory studies*» – междисциплинарное направление современной гуманитаристики, возникшее на стыке целого ряда гуманитарных наук – общей и социальной психологии, социальной философии, истории, политологии, семиотики, исторической психологии, исторической социологии, социологии времени – направлено на изучение исторической, культурной, социальной, групповой памяти в современных обществах и обществах прошлого. С 1980-ых годов это направление приобретает характер своеобразной интеллектуальной моды, что позволяет говорить даже о «мемори буме». Понятия «историческая память» и «культурная память» прочно вошли в понятийный аппарат общественных и гуманитарных наук Европы, Америки и России, и, несмотря на нарастающий скепсис относительно возможности корректного использования этих понятий, речь все чаще идет уже о мемориальной (или «меморальной») парадигме гуманитарного знания. Проблематика исследований социальной, исторической, культурной памяти тесно связана с проблемой соотношения индивидуального и общественного сознания, макро– и микроистории. Она охватывает такие проблемы, как соотношение истории и памяти, политическое использование знаний о прошлом; репрезентация прошлого в музеях, памятниках, коммеморациях; репрезентация ближайшего прошлого в масс-медиа, новые национальные субъекты и идентичности; коллективная память и ретроспективная интерпретация социального прошлого; апелляция к прошлому и способы ее выражения в искусстве и литературе и многие другими проблемами.

Исследование истории своей семьи при помощи анализа глубинных интервью представляет собой только один вариант реализации методов прикладной культурологии для исследования культурно-исторической реальности и памяти о ней. Однако, на наш взгляд, именно такая исследовательская практика отвечает целям и задачам изучения прикладной культурологии как учебной дисциплины. С одной стороны, погружение в историю своей семьи создает дополнительную мотивацию исследовательской работы и способствует лучшему освоению изучаемых исследовательских техник, с другой стороны, применение научных методов в исследовании семейных воспоминаний позволяет создать определенную эмоциональную дистанцию и получить, обобщить информацию об истории своей семьи, осмыслить семейный опыт, извлечь личные уроки из семейного прошлого, найти примеры и образцы для подражания. Научно– и социально-значимый результат исследовательской работы студентов, представленный в данной публикации, позволяет считать проведенный опыт успешным.

Т. В. Пушкарева,

доцент кафедры философии и социологии культуры РГСУ, кандидат философских наук

Андрей Шипигин.

От семейной истории к истории страны: возможности качественных социологических методов исследования

Задачи культуролога и социолога, использующего качественные методы исследования при анализе социокультурной реальности, очень близки и зачастую просто совпадают. Исследовать жизненный мир человека в ту или иную культурно-историческую эпоху, увидеть большую историю в малой, семейной, и наоборот, малую – в большой, – эти задачи с успехом решают такие методы, как биографический метод, метод семейной истории, метод глубинного интервью. Учебная апробация этих методов при исследовании истории собственной семьи в контексте истории XX века позволяет в реальной исследовательской деятельности раскрыть возможности этих методов, получить обширный эмпирический материал и провести первый опыт его обобщения.

Глубинное интервью в рамках данной учебно-научной задачи проводилось 21.02.2014 с матерью исследователя, Шипигиной Викторией Валерьевной 09.05.1972 г. р., в неформальной обстановке в московской квартире «с глазу на глаз». Длительность: 78 минут. До того момента, как интервьюер начал задавать вопросы, респондент чувствовал себя ответственным за интервью, так как был предупреждён, для чего оно проводится, и таким образом старался помочь исследователю. После вопросов интервьюера респондент «разговорился» и беседа стала более непринуждённой.

Во время интервью перед респондентом находилось семейное генеалогическое древо, так как была велика вероятность забыть членов немаленькой семьи, корни которой в достаточной степени сохранились в памяти респондента, несмотря на многочисленность родственников и разнообразие их судеб.

Транскрипт интервью

Р.: «Больше я знаю про историю своей семьи со стороны моего отца, Юрьева Валерия Фридриховича. Его корни прослеживаются, начиная с середины девятнадцатого века. Его прабабушка и прадедушка были родом из Гусь-Хрустального, это сейчас Московская область недалеко от города Владимира. Затем переехали, уже поженившись, в нынешний город Орехово-Зуево и собственно там у них родилось девять детей, работали оба на фабрике Морозова, ткацкой. И старший их сын, Иван Павлович Куликов, вошёл в историю, как один из организаторов Морозовской стачки. Затем уже после революции он был первым начальником орехово-зуевской милиции, участвовал в гражданской войне, погиб в одном из боёв, и ему посвящена даже страничка, была такая в советские времена книжка – «Герои гражданской войны», там посвящена ему страница. Сёстры и братья Ивана Павловича практически все были верующими коммунистами, активно участвовали в построении социализма в нашей стране, (усмехнулась) пытались построить коммунизм. Все работали на ткацкой фабрике. Собственно бабушка Валерия Фридриховича, моего отца, и моя прабабушка, Мария Павловна Куликова, всю жизнь проработала также на Орехово-Зуевской ткацкой фабрике, там же вышла замуж за ткача, Василия Петровича Андрианова. Ну, собственно вся жизнь прошла у них в Орехово-Зуево, никуда они оттуда не уезжали. Василий Петрович тоже был достаточно активным коммунистом, входил в ЦК коммунистической партии города Орехово-Зуево. У них было трое детей. Старшая дочь – Антонина Васильевна Андрианова, родившаяся в 1922 году, после школы уехала в Москву, поступила в университет и когда началась война добровольцем ушла в армию, но не служила на фронте, работала в Москве, служила в Москве, была ну что-то вроде отдела милиции при КГБ, не знаю, как это правильно называлось. Дослужилась до звания стар-

шего лейтенанта, потом уволилась. Работала в разных местах, в институте, потом уже в старости работала просто на почте. Была бездетная, её жених ушёл на фронт и в сорок первом году погиб, больше она не смогла никого полюбить. Соответственно двое младших детей, родившихся двойняшками, Виктор Васильевич и Нина Васильевна, оба были также ткачами, после войны работали ткачами на фабрике. Нина Васильевна, моя бабушка (эмоционально выдохнула) встала к станку в шестнадцать лет, когда началась война. Она двадцать шестого года рождения, когда в сорок первом году началась война, практически все дети встали к станку, кто мог, и она в том числе, и, начиная с шестнадцати лет, она так и всю жизнь проработала на фабрике, имела трудовой стаж более сорока лет. Её муж, мой дедушка, Фридрих Сергеевич Юрьев ушёл добровольцем на фронт в семнадцать лет. Пришёл на призывной пункт, приписал себе один год и ушёл добровольцем на фронт. Прослужил всю войну, дошёл до Кёнигсберга, собственно в Кёнигсберге и закончил свою службу, в силу того, что там у него случилась третья контузия, после которой он был комиссован и вернулся домой. Также после войны работал на фабрике, ткацкой. У них, соответственно, было двое детей, собственно есть и сейчас. Нина Васильевна ещё жива, продолжает радовать нас своей мудростью. Двое детей: Юрьев Валерий Фридрихович, мой отец, и Юрьева Галина Фридриховна, тётя. Пятидесятого, пятьдесят второго годов рождения. Валерий Фридрихович также поначалу после школы работал сначала немного на фабрике, потом на заводе токарем, а в девятнадцать лет поступил в Москве в строительный институт, МИСИ, на вечернее отделение и устроился работать в проектный институт «Курортпроект», в котором работает до сих пор, больше 40 лет. В этом институте он познакомился, на работе имеется в виду, с моей матерью, Высоцкой, на тот момент, Ольгой Петровной. Ну, соответственно, поженились, в семьдесят втором году родилась я, ну и тоже получив несколько образований, в конце концов, стала инженером-строителем. Эта ветвь семьи практически никуда не перемещалась. Как изначально жили в Гусь-Хрустальном, Орехово-Зуево, в общем, достаточно близко расположенные места. Как теперь говорят «с этой стороны у нас сплошной пролетариат», по большей части участвовавший во всех событиях, которые происходили в нашей стране, и достаточно активно участвовавший. То есть Валерий Фридрихович в своё время был членом комитета комсомола проектного института, в котором работал, а Ольга Петровна была там не только руководителем-секретарём комитета комсомола этого института, но и впоследствии была профоргом института. Ну, в общем, тоже так довольно активно участвовала, была даже где-то в районе там двадцати двух-двадцати трёх лет награждена поездкой в Болгарию от комитета комсомола.

Со стороны Ольги Петровны не так далеко прослеживается история семьи, на одно поколение меньше. Её предки, Высоцкие, изначально, по семейному приданию – польский шляхтич обедневший, пришедший в поисках лучшей доли в Санкт-Петербург, поселившийся потом в одной из деревень под Нижним-Новгородом, оттуда пошла уже династия. В этой династии были и священники и купцы, в частности, мой непосредственный предок, прадед Высоцкий Иван Фёдорович был достаточно состоятельным человеком, по профессии он был камнетёс-молотобоец. В том числе было у него достаточно зажиточное хозяйство в родной деревне, и (затяжное) последние где-то, наверное, десять лет перед Великой Октябрьской Социалистической Революцией у него было несколько доходных домов в Нижнем-Новгороде. Семья, поскольку деревенская, особо никуда не кочевали, то есть дети самое далёкое, что уезжали это учиться в Санкт-Петербург, впоследствии Ленинград. У Ивана Фёдоровича было одиннадцать детей. Из них двое сыновей умерли в достаточно раннем возрасте: один утонул в пятнадцатилетнем возрасте, второй умер от чахотки незадолго до войны, остальные девять, из них четыре дочери, все принимали участие в ВОВ. Собственно, мой дед, Высоцкий Пётр Иванович, перед войной как раз успел закончить лётное училище и в марте сорокового года он женился на Гарасихиной Прасковье Игнатьевне, в марте сорок первого года у них родился старший сын, Высоцкий Владимир Петрович, и в апреле сорок первого года дед был послан служить

в Белоруссию на границу, на предграничный аэродром, где, собственно, их и застала война. Одна из его сестёр, старшая, успела к тому моменту окончить медицинский институт и всю войну прошла в должности полевого хирурга. Закончила войну подполковником медицинской службы. Остальные тоже воевали, но в основном не на передовой. Соответственно, когда началась война, Пётр Иванович и Прасковья Игнатьевна, и их маленький сын Владимир были на передовой, аэродром был разбомблен в первый же день, очень много лётчиков погибло, но начальнику части удалось организовать вывод семей из окружения. Соответственно в течение месяца под охраной из нескольких солдат женщины и дети выходили сами из окружения, был достаточно мучительный период. Бабушка рассказывала, что в один из дней, когда они шли, закончился лес, и они шли по полю, как бы переходили в следующий лес, и в этот момент летело несколько самолётов фашистов. Они, видимо, «отбомбились» где-то впереди лежащих городах, и бабушка рассказывала, что она на всю жизнь запомнила, как она бежит по полю с маленьким сыном на руках, а над ней летит самолёт. И она видела глаза этого фашиста, ну то ли он пожалел, то ли действительно не осталось патронов, он ей улыбнулся, помахал рукой, помахал крыльями самолёта и улетел. Так она первый раз осталась со своим сыном жива. Когда они добрались до наших частей, вышли из окружения, там удалось сесть на эвакуационный эшелон, идущий вглубь страны. У бабушки мама жила в Ленинграде на тот момент, собственно бабушка стремилась туда к маме. Села в этот эшелон и через несколько дней на одной из станций (бабушке было на тот момент всего двадцать три года, она стеснялась кормить грудью младенца, сидя в теплушке) она спустилась на станции, когда эшелон стоял, под платформу, в этот момент налетели бомбардировщики фашистские. Вся станция была стёрта с лица земли. По её воспоминаниям, из всего эшелона выжало четыре с половиной человека, половинка был мой дядя Володя (слёзы на глазах). Так или иначе, до Ленинграда она добралась, воссоединилась там с мамой, затем началась блокада Ленинграда. Мама осталась, прабабушка моя, а бабушка с сыном была вывезена в эвакуацию в Казахстан, где её с некоторым трудом в начале сорок второго года нашёл дед, поскольку его часть практически полностью погибла, их переформировывали, и ему дали неделю отпуска. В результате этого отпуска в декабре сорок второго у них родился ещё один сын. Дед на тот момент уже опять был на фронте. Вот. В конце войны его перевели на дальний восток преподавать в лётном училище, бабушку он туда вызвал. Ну, собственно так они воссоединились, уже больше не расставались, потом после войны дед преподавал в лётном училище в Риге. Потом они переехали в Москву, здесь в Москве дед служил в генштабе, уже был полковником авиации, после того как он демобилизовался по выслуге лет, причём с достаточно большими почестями: с правом ношения парадной формы и кортика, он пошёл преподавать в академию хим. защиты, был такой факультет при бауманском училище, тогда ещё училище, а затем около десяти лет ездил по братским странам: Болгария, Германия и участвовал там в строительстве хим. заводов. В какой-то момент вышел на пенсию и собственно достаточно счастливо жили. Умерли оба в семьдесят семь лет. Успели даже повидать своего правнука, Андрея Сергеевича Шипигина.

Со стороны бабушки Прасковьи Игнатьевны, жены Петра Ивановича Высоцкого, практически все были деревенскими жителями. Её мама, Анна Дмитриевна Катюшкина, была из Рязанской области, папа, Игнат Иванович Гарасихин, был тоже из Рязанской области, из города Пронск. Мама работала на телефонном узле в Ленинграде, папа был рабочим на заводе. Так как мама с папой, Анна Дмитриевна и Игнат Иванович, достаточно в раннем возрасте Прасковьи Игнатьевны развелись, то вот про Игната Ивановича практически ничего неизвестно, ну кроме того, что прожил он долго, то есть Прасковья Игнатьевна с отцом не общалась и сведенья о нём практически не поступало.

Соответственно у Петра Ивановича и Прасковьи Игнатьевны было трое детей: старший – Владимир сорок первого года рождения, средний – Сергей сорок второго года рождения и младшая – Ольга Петровна, моя мама, сорок девятого года рождения. Ольга Петровна роди-

лась уже в Москве. Также окончила строительный институт. В результате её свадьбы с Валерием Фридриховичем Юрьевым в семьдесят втором году на свет появилась я, Виктория Валерьевна Юрьева, теперь Шипигина. А в семьдесят шестом году моя младшая сестра, Марина Валерьевна Юрьева. Мы тоже никуда особо не путешествуем, как родились в Москве, так здесь всю жизнь и живём. Здесь работаем. В общем, особо не мигрируем.

Со стороны Андриюшиного отца, Сергея Николаевича Шипигина, мне не очень много известно. В частности знаю, что его дед, Андриюшин дед, Николай Фёдорович Шипигин, родом из города Ярославля, а бабушка, Людмила Семёновна Шипигина, родом из города Елец. У Николая Фёдоровича семь братьев и сестёр, всего их восемь человек в семье было, восемь детей. Они из города Ярославля, родители ещё переехали в Ульяновскую область, когда ещё, по-моему, даже не все дети родились, только старшие. Отец работал в автомеханической мастерской. Всю жизнь работал с машинами, очень любил машины, хорошо в них разбирался. Мать была домохозяйкой. Дети выросли, практически все получили высшее образование. Сыновья, трое из сыновей, переехали в Москву в разное время. Анатолий Фёдорович служил в КГБ, Алексей Фёдорович был военнослужащим, а как зовут четвёртого брата, честно говоря, не помню, он был, насколько я помню, простым инженером, просто окончил институт и работал инженером. Дочери все остались в Ульяновской области, ну и там соответственно «повыходили» замуж, работают все в разных местах, я их ни разу не видела, поэтому про них почти ничего не знаю.

Со стороны Людмилы Семёновны Шипигиной: у неё семья в Ельце достаточно известная. Её, как это сказать, двоюродный дедушка, брат её бабушки, был настоятелем Елецкого собора. Одна из сестёр бабушки была очень такой известной в городе и за его пределами старицей, даже обладала какими-то, как теперь говорят, паранормальными способностями, могла лечить людей, была в известной степени, как это назвать, ведуньей что ли. И это частично унаследовалось у них в роду, мама Людмилы Семёновны, Надежда Васильевна, умеет снимать сглаз, если кто в это верит. Умела. Теперь тоже пожилая женщина, теперь уже всё даётся с большим трудом. Надежда Васильевна тоже участвовала в ВОВ, в возрасте девятнадцати лет ушла на фронт медсестрой и, собственно, прошла всю войну, вытаскивая на себе солдатиков из боя. Людмила Семёновна и Николай Фёдорович оба работали в институте атомных реакторов в городе Димитровграде, это такой наукогородок под Ульяновском, Ульяновской области. Собственно институт атомных реакторов – это градообразующее предприятие. Николай Фёдорович последние годы жизни был там начальником отдела, Людмила Семёновна страшим инженером, потом ведущим инженером. Николай Фёдорович, к сожалению, скончался десять лет назад, Людмила Семёновна жива, здравствует и до сих пор работает. На настоящий момент у Андрея Сергеевича Шипигина живы две прабабушки: одна со стороны мамы – Нина Васильевна Юрьева-Фомина, другая со стороны папы – Надежда Васильевна. Собственно к настоящему времени историю семьи получила троеточие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.